

SUR LA NOTION DE « CAS »

[Paris, 2001]

Dans les langues indo-européennes anciennes ainsi que dans celles, vivantes, qui, comme le lituanien, le russe ou l'allemand ont conservé des vestiges plus ou moins importants de l'ancienne flexion nominale, la notion de cas permet de mettre en évidence l'équivalence de désinences morphologiquement disparates : les génitifs latins « *rosae* », « *domini* », « *templi* », « *urbis* », « *manus* », « *rosarum* », « *marium* » peuvent être substitués les uns aux autres dans des phrases qui, quand bien même elles seraient sémantiquement absurdes, resteront grammaticalement correctes.

Cette notion de cas a-t-elle la même utilité dans le domaine finno-ougrien ? La question peut surprendre, s'agissant de langues réputées pour la richesse et la prétendue complexité de leur « déclinaison ». Mais cette réputation est mensongère. En hongrois, la langue la plus riche en « cas » (la Grammaire de l'Académie en compte 28 !), il n'existe en fait qu'un seul et unique paradigme, une seule série de suffixes sans autres allophones que ceux résultant éventuellement du jeu de l'harmonie vocalique, par exemple « *-ban / -ben* » pour l'inessif, « *-hoz / -hez / -höz* » pour l'allatif, etc. Les mêmes suffixes sont employés au pluriel comme au singulier. Il n'y a pas de déclinaisons différentes selon le genre, puisque cette catégorie n'existe pas. Il n'y a pas de polysémie, comme en latin par exemple, où le « *-os* » de l'accusatif pluriel « *dominos* » renseigne à la fois sur le nombre, le cas et le genre. Il n'y a pas non plus de déclinaison de l'adjectif, puisque celui-ci ne s'accorde pas en cas.

À titre d'exemple, comparons le hongrois « *a nagy házakban* » (« dans les grandes maisons ») à son équivalent allemand « *in den grossen Häusern* ». Dans le syntagme hongrois, l'inessivité et la pluralité sont indiquées chacune par un suffixe monosémique (respectivement *-k* » et « *-ban* ») construit une seule fois sur le dernier terme du syntagme. Ni l'article ni l'adjectif qualificatif ne sont fléchis. Dans le syntagme allemand, la pluralité est indiquée par une triple modification du nom : l'*umlaut*, le suffixe « *-er* » qui en est solidaire et le *-n* final caractéristique du datif pluriel ; cette pluralité est également marquée par la forme de l'article : « *den* » s'opposant à « *dem* » d'un éventuel singulier ; l'inessivité n'est pas non plus indiquée par un seul morphème mais bien par la combinaison de la préposition « *in* » et du datif qu'elle gouverne ici ; suivie de l'accusatif, la même préposition indiquerait l'illativité (exprimée en hongrois par le suffixe « *-ba / -be* ») ; le datif à son tour est marqué deux fois, par la forme de l'article et par le *-n* final de « *Häusern* » ; s'ajoute à cela que l'épithète « *grossen* » porte le « *-en* » des cas obliques de la déclinaison faible de l'adjectif, que l'emploi de cette déclinaison est déterminé par la présence

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ И ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

[Париж, 2001]

В древних индоевропейских языках, так же, как и в современных, в таких как литовский, русский или немецкий, сохранились более или менее значимые признаки прежней номинальной флексии; категория падежа позволяет выявить эквивалентность морфологически разнородных окончаний: в латинском языке родительный падеж может иметь разные окончания: «*rosae*», «*domini*», «*templi*», «*urbis*», «*manus*», «*rosarum*», «*marium*», при этом предложения с семантической точки зрения могут казаться даже абсурдными, с точки зрения же грамматики – продолжают оставаться корректными.

Имеет ли такое же значение падеж в финно-угорских языках? Вопрос может показаться неуместным, особенно в отношении языков, которые принято считать сложными из-за многообразия падежей. На самом деле данное представление является обманчивым. В венгерском языке, располагающем самым большим количеством падежей (Академическая грамматика их насчитывает 28!) в действительности существует одна-единственная парадигма, одна серия суффиксов, без иных аллофонов, кроме тех, что произошли в ряде случаев под влиянием закона гармонии гласных, например «*-ban / -ben*» в инессиве (внутреннем падеже): «*-hoz / -hez / -höz*» в аллативе (внешнем падеже) и т. д. Одни и те же суффиксы употребляются как в единственном, так и во множественном числе. Склонение не изменяется в зависимости от рода, поскольку в венгерском языке категория рода отсутствует. Нет полисемии, как, например, в латинском языке, где окончание «*-os*» во множественном числе аккузатива (винительного падежа) «*dominos*» указывает одновременно на число, падеж и род. Отсутствует также склонение прилагательных, поскольку прилагательное не согласуется с падежом.

В качестве примера сопоставим выражения в двух языках: «*a nagy házakban*» – в венгерском с эквивалентным выражением «*in den grossen Häusern*» – в немецком («в больших домах»). В венгерской синтагме множественное число и инессивность (внутриместность) обозначаются каждый своим однозначным суффиксом (соответственно «*-k*» и «*-ban*»), образуясь однократно лишь в конце синтагмы. Ни артикль, ни качественное прилагательное не склоняются. В немецкой синтагме множественное число обозначено тройным преобразованием существительного: *umlaут*, суффикс «*-er*», связанный с ним, и конечное *-n*, характерное для дательного падежа множественного числа; это множественное число также отмечено формой артикля: «*den*» противопоставляется «*dem*», соответствующему единственному числу; инессивность также обозначается не единственной морфемой, но сочетанием предлога «*in*» и дательного падежа, которым он здесь управляет; если бы то же самое предложение сопровождалось аккузативом, оно бы обозначало аллативность (выражающееся в венгерском языке при помощи суффикса «*-ba / -be*»); дательный падеж, в свою очередь, маркирован дважды – формой артикля

de l'article défini, que ce suffixe « -en » se distingue à la fois de celui du nominatif singulier de cette déclinaison (« *das grosse Haus* »), mais aussi de la forme à désinence zéro de l'adjectif attribut (« *gross* »). Que voilà des complications, et quelle lumineuse simplicité que celle du hongrois !

Cette simplicité se retrouve peu ou prou dans l'ensemble de la famille. Dans les langues permienes, la stabilité du radical, la netteté de la plupart des désinences rappellent la situation du hongrois. Il en est de même en mari. En mordve, la multiplicité des formes résulte seulement de l'existence, à côté de la déclinaison de base, d'une déclinaison définie et de la possessivation, mais les divers suffixes - casuel, « définitoire » et possessif - sont assez clairement juxtaposés. Dans les langues fenniques, le système, il est vrai, n'a plus la même rigoureuse clarté par suite d'évolutions phonétiques récentes (alternance suffixale, syncope, apocope, alternances vocaliques diverses - surtout en estonien !) qui ont obscurci la morphologie; certains suffixes ont éclaté en allophones à la distribution délicate, mais paradoxalement la difficulté, dans ces langues, tient moins aux suffixes pleins qu'à la désinence zéro du nominatif singulier. Du génitif singulier, on peut sans difficulté majeure déduire la plus grande partie du paradigme. Au nominatif singulier, le radical, que ne protégeait aucun suffixe, a été directement érodé de sorte que c'est le nominatif qui est devenu aberrant. Alors qu'en fennique commun le génitif singulier était formé de la simple adjonction d'un -n au thème à désinence zéro du singulier, en estonien la chute du -n final a fait de ce thème une deuxième forme à désinence zéro qui, si elle est parfois identique à celle du nominatif singulier, s'en distingue le plus souvent par d'assez peu prévisibles modifications : alternances diverses à l'intérieur du lexème, adjonction ou soustraction d'éléments divers, voire combinaison des unes et des autres.

À partir du finnois, langue plus conservatrice, il est facile de comprendre que le fennique commun n'avait, comme le hongrois actuel, qu'un seul jeu de suffixes identiques au singulier et au pluriel.

En quoi ces suffixes se distinguent-ils des postpositions si nombreuses dans ces langues ? En fonction de quels critères dénombrer celles-ci et ceux-là ?

En allemand, en russe, en lituanien, en latin, la préposition se distingue nettement de la désinence casuelle, ne serait-ce que par sa place dans le syntagme, ensuite parce qu'elle régit un cas oblique morphologiquement marqué. En finnois ce critère semble largement pertinent, puisque les postpositions régissent presque toujours le génitif et parfois le partitif.

и конечным *-n* в «*Häusern*»; кроме того, эпитет «*grossen*» несет «*-en*» косвенного падежа слабого склонения прилагательного. Данный суффикс «*-en*» отличается как от суффикса в именительном падеже единственного числа этого склонения («*das grosse Haus*»), так и от формы нулевого окончания атрибутивного прилагательного («*gross*»). Как же много сложностей и какая при этом ясная простота в этом смысле в венгерском языке!

Эта простота обнаруживается более или менее во всей языковой семье. В пермских языках устойчивость корня, определенность большинства окончаний проявляются так же, как и в венгерском. Точно так же дело обстоит с марийским языком. В мордовском множественность форм происходит из существования наряду с основным склонением указательного и притяжательного склонения, но разные суффиксы – падежные, «указательные» и лично-притяжательные – присоединены достаточно ясным образом. В прибалтийско-финских языках система, конечно, не имеет уже той строгой ясности ввиду современных фонетических изменений (суффиксальное чередование, синкопа, апокопа, различное чередование гласных – особенно в эстонском языке!), сделавших морфологию неясной; некоторые суффиксы расчленились на аллофоны при затруднительном распределении, но парадоксальным образом сложность в этих языках в меньшей степени заключается в полных суффиксах, чем в нулевом окончании именительного падежа единственного числа. Из родительного падежа единственного числа без особой сложности можно предположить большую часть парадигмы. В именительном падеже единственного числа корень, не подкрепленный никаким суффиксом, был непосредственным образом размыт, что привело к тому, что именно номинатив стал считаться аберрантным. Тогда как в прафинском языке родительный падеж единственного числа был образован с помощью простого прибавления *-n* к теме при нулевом окончании в единственном числе, в эстонском – выпадение конечного *-n* сделало данную тему второй формой при нулевом окончании, которая даже если иногда и совпадает с формой именительного падежа единственного числа, в большинстве случаев отличается от нее значительными изменениями: различные чередования внутри лексемы, добавление или удаление различных элементов и даже сочетание тех и других.

Исходя от финского, языка более консервативного, становится легко понятным, что в прафинском языке была, как и в современном венгерском, лишь одна группа суффиксов, одинаковых как для единственного, так и для множественного числа.

Чем эти суффиксы отличаются от послелогов, таких многочисленных в этих языках? На основании каких критериев следует учитывать те и другие?

В немецком, русском, литовском, латинском языках предлог четко отличается от падежного окончания – не благодаря ли своему месту в синтагме и тому, что он управляет морфологически маркированным косвенным падежом. В финском языке данный критерий кажется вполне релевантным, поскольку предлоги и послелог почти всегда управляют косвенным падежом: родительным или партитивным (частичным) падежом.

En hongrois, il n'y a pas de prépositions et la frontière entre postposition et désinence casuelle est beaucoup plus imprécise, notamment du fait que la très grande majorité des postpositions sont précédées du « nominatif », c'est à dire du lexème à désinence zéro¹¹. Quelle différence y a-t-il dès lors entre « *-ig* » dans « *a házig* » (« jusqu'à la maison ») et « *mellett* » dans « *a ház mellett* » (« à côté de la maison ») ? L'un et l'autre ne sont-ils pas des indicateurs de fonction pareillement postposés au groupe nominal ? Selon quels critères distinguer les deux types de morphèmes ?

Il est évident que l'usage orthographique, qui veut que la postposition soit séparée du mot qui la précède alors que la désinence casuelle lui est rattachée, ne saurait fournir un critère légitime. Il ne s'agit que d'une convention, et même si celle-ci repose sur un sentiment diffus, elle ne nous dit pas en quoi un morphème est plus une désinence qu'un morphème. Les postpositions, dit-on parfois, sont globalement plus « transparentes », leur étymologie plus perceptible que celle des désinences. Certes, dans « *mellett* » (« à côté de ») on reconnaît facilement le mot « *mell* » (« poitrine ») et la désinence « *-t / -tt* » du locatif, aujourd'hui non productive, mais encore utilisée avec quelques noms de localités et identifiable dans diverses formes figées. Cette différence n'est cependant que partiellement vraie ; d'autres postpositions comme « *miatt* » (« à cause de »), « *ellen* » (« contre »), « *óta* » (« depuis ») sont devenues tout à fait inanalysables, alors que l'étymologie de plusieurs désinences casuelles est évidente : tout Hongrois reconnaît sans peine le mot « *kép* » (« image, tableau ») dans le suffixe « *-képp(en)* » du cas formel, et le suffixe « *-kor* » du temporel est identique au lexème « *kor* » (« époque, période, temps »). Combien, dès lors, le hongrois a-t-il de cas ?

Le plus logique semble ici de qualifier de « casuel » tous les suffixes, y compris la désinence zéro, indiquant la fonction des grands constituants nominaux : sujet, complément d'objet direct ou indirect, compléments circonstanciels, bref, « actants et circonstants », dès lors que ces morphèmes ne sont pas considérés comme des postpositions. Il y aura alors autant de cas que de formes, de formes mais pas nécessairement de fonctions, une même forme pouvant, dans une langue donnée, remplir plusieurs fonctions qui seront exprimées par des moyens distincts dans une autre langue. Encore faudrait-il savoir ce qu'est une postposition. En quoi désinence casuelle et postposition se distinguent-elles l'une de l'autre ?

¹¹ Ce qui est la règle dans les langues ob-ougriennes et permienes. Il en est de même en mari en ce qui concerne le nom, le pronom, lui, étant au génitif. En mordve, les postpositions gouvernent le nominatif, le génitif ou l'ablatif. En finnois, en estonien, elles gouvernent le plus souvent le génitif, mais ces langues possèdent de nombreuses prépositions, suivies presque toujours du partitif ; en fennique, postpositions et prépositions remontant toujours à d'anciens lexèmes, leur rection est conforme à la structure des deux types de compléments de nom : fin. *viinin hinta* « le prix du vin » / *lasi viiniä* « un verre de vin ».

В венгерском языке нет предлогов, и граница между послелогом и падежным окончанием гораздо более неопределенная именно потому, что большинству послелогов предшествует «номинатив» (именительный падеж), то есть лексема с нулевым окончанием¹¹. Какое отсюда следует различие между «-ig» в «*a házig*» («до дома») и «*mellett*» в «*a ház mellett*» («рядом с домом»)? Не обе ли функциональные морфемы управляют предшествующим номинативом? По каким критериям различать эти два типа морфем?

Очевидно, что правописание требует, чтобы послелог был отделен от предшествующего ему слова, в то время как падежное окончание присоединяется к нему, не предлагая обоснованного критерия. Речь идет лишь об условности, и даже если таковая покоится на смутном представлении, она нам не разъясняет, в чем одна морфема является более окончанием, нежели другая. Иногда считают, что послелог в целом более «прозрачны», их этимология более ощутима, чем этимология окончаний. Разумеется, в «*mellett*» («рядом с») легко распознается слово «*mell*» («грудь») и окончание «-t / -tt» падежа локатив, не являющегося сегодня продуктивным, но еще употребляющегося с некоторыми топонимами и встречающегося в различных устойчивых формах. Это отличие, впрочем, достоверно лишь отчасти; другие послелог, такие как «*miatt*» («по причине того, что»), «*ellen*» («против»), «*óta*» («после того; с тех пор»), стали абсолютно неанализируемыми, в то время как этимология многих падежных окончаний очевидна: любой венгр без труда распознает слово «*kép*» («образ, картина») в модалисе (модальном падеже) с суффиксом «-*képp(en)*» и с суффиксом «-*kor*» в темпоралисе (во временном падеже) оно идентично лексеме «*kor*» («эпоха, период, время»). Сколько же тогда в венгерском языке падежей?

Самым логичным здесь кажется квалифицировать все суффиксы как падежные, включая нулевое окончание, обозначающее функцию больших составных частей номинальных групп: подлежащее, прямое или косвенное дополнение, обстоятельственное дополнение, одним словом, действия и условия (актанты и сирконстантны), в случае, если эти морфемы не рассматриваются как послелог. Соответственно, будет столько падежей, сколько форм; форм, но необязательно функций, одна и та же форма может в данном языке выполнять многие функции, которые в другом языке будут выражаться иными способами. Не следует ли также прояснить, что есть послелог? И чем падежные окончания и послелог отличаются друг от друга?

¹¹ Это типично для угорских и пермских языков. Точно так же обстоит дело и в марийском языке относительно фамилии, имени в родительном падеже. В мордовском языке послелог управляют номинативом (именительным падежом), генетивом (родительным падежом) или аблятивом (отложительным / отделительным падежом). В финском и эстонском языках они чаще всего управляют родительным падежом, но данные языки располагают большим количеством предлогов, почти всегда сопровождающихся партитивным (частичным) падежом; в прафинском – послелог и предлог всегда восходят к прежним лексемам, управление которых согласуется со структурой двух типов номинальных групп: финский *viinin hinta* «le prix du vin» – стоимость вина / *lasi viiniä* «un verre de vin» – стакан вина.

La liste des cas établie par les auteurs de la Grammaire de l'Académie hongroise ne tient compte ni de la productivité, ni de la fréquence des morphèmes. Le suffixe « *-nta / -nte* » du distributif temporel n'a plus aucune productivité et ne figure plus guère que dans quelques formes figées qu'il serait tout aussi simple de considérer comme des adverbes ; il est cependant répertorié comme suffixe casuel¹².

Un critère possible est la présence ou l'absence d'une modification entraînée par le radical dans le suffixe ou par le suffixe dans le radical.

Du premier type relève naturellement l'assimilation résultant de l'harmonie vocalique. Les postpositions du hongrois ne sont jamais touchées par l'harmonie vocalique alors qu'une partie des suffixes casuels le sont (« *-ban / -ben, -szor / -szer / -ször* », etc). Une partie seulement, car d'autres ne le sont pas. Il s'agit d'abord de ceux qui ne renferment d'autre voyelle que *e, é, ou i* : « *-ig, -ért, -ként, -nként, -képp(en)* ». Il s'agit ensuite du suffixe du temporel, « *-kor* », qui semble répondre à tous les critères permettant d'identifier les postpositions : il n'est pas touché par l'harmonie vocalique (« *egykor* » / « à une heure », « *ötör* » / « à cinq heures ») ; sa présence n'entraîne pas l'allongement de *a* ou de *e* comme celle de nombreux autres suffixes (« *öt órákor* » / « à cinq heures »). Le suffixe « *-kor* » serait cependant, si nous le classions parmi celles-ci, la seule préposition monosyllabique régissant le nominatif.

Du premier type relèvent également les suffixes « *-val / -vel* » et « *-vá / -vé* » dont le *v* initial s'assimile à l'éventuelle consonne finale du nom : « *kés > késsel* », « *jég > jégé* ».

Du deuxième type relèvent les suffixes entraînant, en fin de sémantème, l'allongement de *-a* ou *-e* (historiquement le maintien de *-á* et de *-é*) : « *szobában* », « *ceruzával* », « *kemencén* », etc., ou encore l'apparition d'une voyelle de liaison, éventuellement accompagnée de l'abrègement, à l'accusatif de certains mots, de la voyelle de la syllabe précédente : « *kard > kardot, kardon* », « *madár > madarat* », « *tér > teret* ».

¹² Tout aussi discutable est le statut du prolatif finnois? Généralement éliminé de la liste des suffixes casuels, encore que son utilisation dans l'étroite catégorie des noms indiquant des vecteurs de télécommunication (*puhelimitse* / «par téléphone», *faksitse* / «par fax»...) prouve que l'état de mort clinique n'est pas encore tout à fait atteint. Bien des postpositions finnoises sont tout aussi menacées, *kera* par exemple qui ne s'emploie plus guère que dans les menus : *haukea riisin kera* « (du) brochet au riz ».

Список падежей, сформулированный авторами Академической венгерской грамматики, не принимает во внимание ни продуктивность, ни частотность морфем. Суффикс «-nta / -nte», относящийся к временному дистрибутиву, не обладает никакой продуктивностью и не встречается более нигде, кроме некоторых устоявшихся форм, и было бы его легче отнести к адвербиальным суффиксам, тем не менее его причисляют к падежным¹².

Возможным критерием могло бы быть наличие или отсутствие изменения в суффиксе, вызванные влиянием корня, или в корне под воздействием суффикса.

Из первого типа (изменение, вызванное влиянием корня на суффикс) выделяется ассимиляция как результат гармонии гласных. Послелогои в венгерском языке никогда не подвергаются гармонии гласных, тогда как часть падежных суффиксов ей подвержены («-ban / -ben; -szor / -szer / -ször», etc.). Но только лишь часть, поскольку другие падежные суффиксы ей не подвержены. Речь, прежде всего, идет о тех суффиксах, которые заключают в себе лишь гласный *e*, *é* или *i*: «-ig, -ért, -ként, -nként, -képp(en)». Далее речь идет о суффиксах, относящихся к моменту речи, например суффикс *-kor* временного падежа (темпоралиса). Он отвечает всем критериям, позволяющим идентифицировать послелогои, и не подвергается уподоблению гласных («egykor» / «в час», «öt kor» / «в пять часов»), его наличие не влечет за собой удлинения *a* или *e*, как это происходит с другими многочисленными суффиксами («öt órákor» / «в пять часов»). Суффикс «-kor», если бы мы его классифицировали среди тех, о которых мы только что говорили, был бы, однако, единственным односложным послелогом, управляющим именительным падежом.

К изменениям, вызванным влиянием корня на суффикс, относятся также суффиксы социатива «-val / -vel» и транслятива «vá / -vé», где начальная *v* ассимилируется с конечным согласным существительного: «kés (нож) > késsel (ножом)», «jég (лёд) > jéggel (льдом)», «jéggé (változik) (превращается) в лед).

Ко второму типу изменений (изменения, вызванные влиянием суффикса на корень) относятся суффиксы, вызывающие в конце семантемы удлинение *a* или *e* (исторически сохраняется *á* и *é*): *ceruza* (карандаш) > *ceruzával* (карандашом), *kemence* (печь) > *kemencén* (на печи) и т. д., или еще появление связующего гласного, в ряде случаев сопровождающегося сокращением в винительном падеже (аккузативе) и в именительном падеже множественного числа (номинативе) некоторых слов, гласного предыдущего слога: *madár* (птица) > *madarat* (птицу), *madarak* (птицы), *tér* (площадь) > *teret* (аккузатив), *terek* (площади).

¹² Точно так же спорен статус финского пролятива, главным образом исключенного из списка падежных суффиксов, хотя его ограниченное использование в категории именных групп, имеющих отношение к способу телекоммуникации (*puhelimitse* / «par téléphone» – по телефону, *faksitse* / «par fax» – по факсу...), подтверждает тот факт, что говорить о состоянии «клинической смерти» данного падежа преждевременно. Под угрозой исчезновения также находятся финские послелогои, такие как, например, *kerä*, которое употребляется только в меню: *haukea riisin kera* «(du) brochet au riz» – щука с рисом.

Trois suffixes casuels n'entraînent cependant aucune des assimilations énumérées. Ils s'agit de « *-ként* » et de « *-képp(en)* » - cf. « *faként, faképp(en)* » - ainsi que de « *-kor* » alors même, nous l'avons vu, que son vocalisme s'y prêterait. Devrions-nous les considérer comme des postpositions ? Ne serait-ce pas leur caractère monosyllabique qui incite à les considérer comme moins postpositions que d'autres et à les rattacher orthographiquement au nom qui les précède ?

Empiriquement nous sommes tentés de dire que sont actuellement classés comme postpositions tous les morphèmes fonctionnels postposés comportant au moins deux syllabes et n'entraînant aucun phénomène d'assimilation vocalique ou consonantique. Reste pourtant une difficulté.

Les postpositions à première vue les moins contestables sont celles, peu nombreuses et fussent-elles monosyllabiques qui, comme « *túl* », « *át* » ou « *szemben* » (« *a folyón túl* » / « au-delà de la rivière », « *a hídon át* » / « par le pont », « *a házzal szemben* » / « en face de la maison »), régissent un « cas » autre que celui marqué par la « désinence zéro ». Mais alors ne devrait-on pas dire que le distributif, marqué par le suffixe « *-nként* », est lui aussi exprimé par une postposition « *-ként* » régissant le superessif et que seul nous en empêche l'usage orthographique, dont nous avons constaté plus haut qu'il n'était qu'une convention ? Il existe pourtant une différence : « *túl* », « *át* », « *szemben* » ne sont pas uniquement des postpositions : ils peuvent être antéposés : « *túl a Dunán* », « *szemben a házzal* », sans parler de leur emploi comme préverbes. On pourrait même dire que « *-ként* » ou « *-kor* » sont plus strictement des postpositions que « *túl* » ou « *szemben* ».

Nous avons en réalité non pas deux, mais (au moins) cinq types de monèmes fonctionnels postposés :

- ceux qui régissent un cas : « *túl (a folyón túl)* », « *szemben (a templommal szemben)* » et qui ne se trouvent pas seulement « en postposition » ;

- ceux qui sont précédés du lexème « à désinence zéro » : « *mellett (a templom mellett)* », etc.

- ceux, monosyllabiques, qui ne modifient en rien la forme du lexème et ne sont eux-mêmes sujets à aucune assimilation phonétique : « *-ként, -képp(en), -kor* » ;

- ceux dont l'« agglutination » au lexème se traduit par une éventuelle modification du thème de celui-ci : « *-ért, -ig (fa > fáért, fáig)* », « *-t (fa > fát, ház > házat, madár > madarat, tó > tavat, teher > terhet, birodalom > birodalmat ...)* » ;

- ceux dont l'« agglutination » au lexème se traduit en outre par leur propre variance : harmonie vocalique (« *-ban / -ben, -hoz / -hez / -höz ...* ») accompagnée pour deux d'entre eux de l'assimilation de leur consonne initiale (« *-vá / -vé, -val / -vel* »).

Три падежных суффикса, впрочем, не влекут никакой из перечисленных ассимиляций. Речь идет о суффиксах эссив-модального (изобразительного) падежа *-ként* и модального падежа (модалис) *-képp(en)* – ср. *faként* (в качестве дерева), *faképp(en)* (наподобие дерева), а также речь идет о «-kor», несмотря на то, и мы наблюдали это, что его вокализм, казалось бы, позволяет ему войти в данную категорию. Должны ли мы их рассматривать как послелогов? И не их ли однослоговой характер побуждает рассматривать их как менее послелогов, чем другие суффиксы, и орфографическим образом присоединять их к предшествующему ему существительному?

В результате исследования мы готовы в настоящее время классифицировать все функциональные морфемы, стоящие в постпозиции, состоящие, как минимум, из двух слогов и не влекущие никакого феномена ассимиляции, ни вокалической, ни консонантной, как послелогов. Однако остается одна сложность.

Послелогов, те, что менее многочисленны и являются однослоговыми, такие как «*túl*», «*át*» или «*szemben*» («*a folyón túl*» / «по ту сторону реки», «*a hídon át*» / «по мосту; через мост», «*a házzal szemben*» / «напротив дома»), на первый взгляд, управляют косвенным падежом. Но в таком случае не должны ли мы сказать, что дистрибутив, маркированный суффиксом «-*nként*», также выражается послелогом «-*ként*», управляющим суперессивом (верхнеместным падежом), и единственное, что не позволяет нам об этом заявить, так это принятая орфография, являющаяся сама по себе не более чем условностью, как мы это констатировали выше. Впрочем, существует отличие – «*túl*», «*át*», «*szemben*» не являются не только послелогам, но и предлогами, они могут ставиться впереди: «*túl a Dunán*», «*szemben a házzal*», не говоря уже об их употреблении в качестве глагольной приставки. Можно было бы также сказать, что «*ként*» или «-*kor*» есть категорически более послелогов, чем «*túl*» или «*szemben*».

В действительности мы имеем не два, а (как минимум) пять типов функциональных морфем, стоящих в постпозиции:

– те, что управляют косвенным падежом («*túl (a folyón túl)*», «*szemben (a templommal szemben)*») и не находятся только лишь в «постпозиции»;

– те, что предшествуют лексеме «с нулевым окончанием» (в номинативе / в именительном падеже: «*mellett (a templon mellett)*») и т. д.;

– те, что являются однослоговыми и не изменяют ни в чем форму лексемы и при этом сами не подвергаются никакой фонетической ассимиляции: «*ként*», «*képp(en)*», «*kor*»;

– те, чья агглютинация к лексеме выражается модификацией темы: «-*ért*», «-*ig* (fa > fáért, fűig)», «-*t* (fa > fát, ház > házat, madár > madarat, tó > tavat, teher > terhet, birodalom > birodalmat ...»);

– те, чья агглютинация к лексеме является в их собственной вариативности, вытекающей из закона гармонии гласных: («-*ba* / «-*ben*», «-*hoz* / «-*hez* / «-*höz* ...»), сопровождаемой для двух из них ассимиляцией их начальной согласной: («-*vá* / «-*vé*», «-*val* / «-*vel*»).

Les monèmes des deux premiers types sont traditionnellement les « postpositions » ; ceux des trois autres, les « désinences casuelles ».

La classe formée par ces dernières peut en outre être subdivisée selon des critères autres que morphologiques. On pourrait être tenté de limiter le nombre des cas en éliminant de la liste ceux qui sont absents du paradigme des pronoms personnels ou encore en classant différemment, comme suffixes de dérivation par exemple, les suffixes qui ne peuvent se construire sur le thème du pluriel (« *-nta /-nte, -stül /-stül* »).

Il y a cependant une grande logique à regrouper dans une même classe tous les monèmes, « postpositions » ou « désinences casuelles », qui marquent la fonction des grands constituants de la phrase, actants ou circonstants.

Une dernière remarque : jusqu'à une date récente, il était possible, quand des noms étaient coordonnés, de ne construire le suffixe casuel que sur le dernier terme de l'énumération. Cette mise en facteur commun n'est plus guère acceptée aujourd'hui, mais nous en relevons encore de nombreux exemples au XXe siècle. En voici un petit échantillonnage glané dans la trilogie *Erdélyi Történet* de Miklós Bánffy, dont les trois parties furent publiées respectivement en 1934, 1937 et 1940 :

« *Csupán ébed vagy vacsorára kellett meghívást várni* » (p. 18).

(« Ce n'était que pour le déjeuner ou le dîner qu'il fallait attendre une invitation ».)

« *Búcsúzott ... a korai kis Murano-csillár sok kristályszőlője és körtejétől ...* » (p. 821).

(« Il prenait congé des nombreuses poires et grappes de raisin de cristal du petit lustre de Murano ».)

« *...akvarellek Gyerőffy szülők, nagyszülők és gyermekekről ...* » (p. 651)

(« ...des aquarelles des parents, grands parents et enfants Gyerőffy... ».)

« *... gyakran találkoztak, de csak köszönés, kézcsók és egy-egy valcerfordulóra* » (p. 204).

(«... il s'étaient bien rencontrés, mais seulement le temps d'une salutation, d'un baise-main ou d'un tour de valse ».)

« *Jól ismert mindent benne, azt a meleg illatot is, azt a virágszirom vagy szegfűhöz hasonló szagot, ami nem parfüm ...* » (p. 653).

(Ici, tout lui était familier [littéralement : il y connaissait bien tout], y compris cette fragrance chaude, cette odeur pareille à celle de pétales ou d'œillets, qui n'est pas celle d'un parfum...)

Монемы первых двух типов принято считать «послелогам», три остальные – «падежными окончаниями».

Класс, образованный последними тремя типами, может, кроме того, быть подразделен в соответствии с другими критериями, отличными от морфологических. Можно было бы ограничить количество падежей, изъяв из списка те, что отсутствуют в парадигме личных местоимений, или же, классифицировав иначе, как суффиксы деривации, к примеру суффиксы, не способные присоединяться к теме множественного числа («-nta / -nte, -stűl / -stül»).

Между тем логично было бы объединить в один класс все монемы, послелогии или падежные окончания, обозначающие функцию больших номинальных компонентов фразы.

Последняя ремарка: до недавнего времени было возможно, когда существительные были соединены сочинительным союзом, ставить падежный суффикс лишь на последнем слове перечисления. Теперь подобное опущение более не является нормативным. Но в XX в. мы по-прежнему находим многочисленные примеры такого употребления. Вот небольшая выборка, взятая из трилогии *Erdélyi Történet* Миклоша Банфи, три части которых были опубликованы поочередно в 1934, 1937 и 1940 гг.

«*Csupán ebéd vagy vacsorára kellett meghívást várni*» (p. 18).

«Только на обед или ужин можно было ждать приглашения».

«*Búcsúzott ... a korai kis Murano-csillár sok kristályszőlője és körtejétől*» (p. 821).

«Он прощался с многочисленными грушами и виноградными гроздьями маленькой кристалльной люстры Мурано».

«... *akvarellek Gyerőffy szülők, nagyszülők és gyermekekről* ...» (p. 651).

«...акварель родителей, бабушек-дедушек и детей Дьерёфи ...».

«... *gyakran találkoztak, de csak köszönés, kézcsók és egy-egy valcerfordulóra*» (p. 204).

«... они часто встречались, но лишь во время приветствия, целования руки или для одного вальса».

«*Jól ismert mindent benne, azt a meleg illatot is, azt a virágszirom vagy szegfűhöz hasonló szagot, ami nem parfüm* ...» (p. 653).

«Здесь все было для него знакомо [буквально: здесь он хорошо знал все], включая это теплое благоухание, этот запах, похожий на запах лепестков или гвоздики, но отличающийся от запаха парфюма ...».

Nous savons bien que le système casuel du hongrois s'est constitué peu à peu, que les désinences sont pour la plupart d'anciennes postpositions elles-mêmes issues de lexèmes construits à divers cas plus anciens. Dans la charte de fondation de l'abbaye de Tihany, « *reá* » est encore une postposition non soumise à l'harmonie vocalique : « *petre zenaia hel rea* » « à l'herbage de Pierrot » (« *zenaia* » = « *szénája* », « *hel* » = « *hely* »). Dans l'*Oraison funèbre*, premier monument conséquent de la langue, nous lisons de même « *paradisiumben, muga nec* » (hongrois moderne : « *paradicsomban, magának* »). Non seulement le scribe a parfois laissé un espace entre le lexème et le suffixe, ce qui n'est que modérément significatif, mais l'absence d'harmonisation vocalique confirme l'incomplète incorporation du morphème dans le « mot ».

Nous souvenant de cette évolution somme toute relativement récente (les premiers monuments de la langue hongroise ne sont-ils pas contemporains du français de Villehardouin ?), nous nous étonnons moins de la mise en facteur commun des suffixes, quand ceux-ci, comme dans les exemples ci-dessus, sont des suffixes « secondaires », issus clairement, à date historique, de postpositions. Mais nous trouvons aussi des exemples de cette construction avec des suffixes « primaires », comme celui du superessif (vieux suffixe ouralien de locatif attesté en fennique, en permien et jusqu'en samoyède) :

Odavont *székek, kanapékon* az elpusztított büfé köré telepedtek » (p. 163)

« Sur des chaises, des canapés (qu'on avait) tirés là, ils avaient pris place autour du buffet dévasté. »

« ... az a sok kínos küzdés, amin átvivódtak *hónapok és hónapokon át* ... » (p. 655).

« ... ces nombreux et pénibles combats qu'ils avaient livrés pendant des jours et des jours... »

La construction, quoique inhabituelle, est également attestée au translatif et à l'accusatif ainsi qu'en témoignent plusieurs exemples cités par la Grammaire de l'Académie (t. 1, pp. 559-560) :

« ... *apám- s anyámmá válok boldogon* ... » (József Attila. *A Dunánál*).

« ... heureux, je deviens mon père et ma mère... ».

« ... *kalandorok, kik nyakokra vettek ország s világot* ... » (Kemény. *Gyulai IV*).

« ... des aventuriers qui étaient partis parcourir le pays et le monde... ».

Известно, что система падежей в венгерском языке образовывалась постепенно, что окончания большинства падежей есть не что иное, как прежние предлоги, также возникшие из лексем, построенных в разных падежах, еще более давних. В уставе учреждения аббатства Тихани «*reá*», к которому восходит сегодняшнее сублативное окончание *-ra / -re*, по-прежнему послелог и не подвержено закону гармонии гласных: «*petre zenaia hel rea*» «на пастбище Петра» («*zenaia*» = «*szénája*», «*hel*» = «*hely*»). В Надгробной речи, первом памятнике языка, мы также читаем «*paradisiumben, muga nes*» (в современном венгерском: «*paradicsomban, magának*»). Не только писарь иногда оставлял место между лексемой и суффиксом, что лишь отчасти знаменательно, но и само отсутствие гармонии гласных подтверждает неполное присоединение морфемы к «слову».

Вспоминая об этом сравнительно недавнем развитии (не являются ли первые памятники венгерского языка современными памятниками французского языка эпохи Виллардуэна?), нас менее удивляет однократная постпозиция падежного окончания, как в приведенных выше примерах, где эти окончания являются «вторичными», т. е. происшедшими, понятно, в исторический период от послелога. Но мы также находим примеры данной конструкции с «первичными» суффиксами, такими как суперессив (старый уральский суффикс локативного (местного) падежа, значимый в прибалтийско-финских, в пермских языках и вплоть до самодийских языков:

Odavont székek, kanapékon az elpusztított büfé köré telepedtek (p. 163).

«На затасканных стульях, канапе, они уселись вокруг опустошенного буфета».

«... *az a sok kínos küzdés, amin átvivódtak hónapok és hónapokon át ...*» (p. 655).

«... эти многочисленные и утомительные ссоры, которым они предавались в течение многих месяцев и месяцев ...».

Конструкция, хотя и непривычная, встречается как в транслятиве (превратительном), так и в винительном падеже, о чем свидетельствует также ряд примеров, приводимых Академической грамматикой (т. 1, с. 559–560):

«... *apám- s anyámmá válok boldogon ...*» (József Atilla. *A Dunánál*).

«счастливый, я становлюсь моим отцом и моей матерью ...».

«... *kalandorok, kik nyakokra vettek ország s világot ...*» (Kemény. *Gyulai IV*).

«... искатели приключений, отправившиеся объехать страну и мир ...».

On dira que cette construction est aujourd'hui rare, exceptionnelle, anormale ; c'est vrai (encore que l'on puisse s'étonner que les « élaborateurs » du hongrois n'aient pas recommandé son emploi : économique, élégante, elle est assez conforme à l'esprit d'une langue qui dans l'ensemble évite la redondance), mais il n'empêche : elle est ou a été utilisée. En latin, en grec, en russe, elle ne pourrait l'être, pour la simple raison qu'une grande partie des noms, même au nominatif singulier, ont dans ces langues une désinence tangible sans laquelle le mot n'existe pas ; ainsi en latin : « *domin-us* », « *ros-a* », « *templ-um* », « *civ-is* ». On remarquera que les mots masculins et féminins à désinence zéro du latin (« *puer* », « *pater* », « *mater* », « *homo* » ...) sont sous cette forme exclusivement des nominatifs au sens strict ; ils ne peuvent être que sujet ou attribut. En conséquence, le nominatif masculin ou féminin, dont la forme tant au singulier qu'au pluriel est distincte de celle de l'accusatif, n'est gouverné par aucune préposition.

Dans les langues finno-ougriennes, le « cas zéro » peut exercer un grand nombre de fonctions. En hongrois, il est certes le cas obligatoire du sujet et celui de l'attribut du sujet quand le verbe est le verbe « être », y compris, dans la « phrase nominale », en présence du degré zéro de celui-ci : « *francia vagyok* » « je suis français », « *francia* » « il est français / elle est française ». Le lexème nu peut cependant être aussi le déterminant d'un autre nom. Le résultat de leur juxtaposition pourra être ressenti comme un mot composé, mais l'orthographe reflète combien cette analyse est subjective. Selon le nombre de composants du composé, on écrit aujourd'hui « *aranygyűrű* » « anneau d'or », mais « *arany középút* » « juste milieu » (littéralement : « voie moyenne d'or ») ; Petőfi, lui, écrivait : « *Arany pálca a markában ...* » « un sceptre d'or à la main... ». Solution intermédiaire, le tiret, utilisé quand le premier terme est un nom de personne : « *egy Petőfi-vers* » « un poème de Petőfi ». Dans une langue comme l'oudmourte, où la situation est très comparable à celle du hongrois, on pourrait croire, à feuilleter un dictionnaire, qu'il n'existe aucun mot composé. En fait, il en existe un grand nombre, mais le premier terme n'est pas à l'écrit relié au second ; la limite entre composé stable et lexie fortuite ne peut-être définie que très subjectivement.

Скажут, что данная конструкция в наши дни редкая, исключительная, необычная; это так (еще раз можно подивиться тому, что «разработчики» венгерского языка не рекомендовали ее употребление: экономичная, изящная, она достаточно сообразна духу языка, избегающего в целом многословия, но, тем не менее, конструкция существует или существовала. В латинском, греческом, русском она была бы невозможной по простой причине: большая часть существительных, даже в единственном числе именительного падежа, имеют в этих языках зримое окончание, без которого слово не существует; так, в латыни: «*domin-us*», «*ros-a*», «*templ-um*», «*civ-is*». Можно заметить, что слова в мужском и женском роде с нулевым окончанием в латыни («*puer*», «*pater*», «*mater*», «*homo*» ...) находятся в данной форме исключительно и строго в именительном падеже; они могут быть лишь подлежащим или именной частью составного сказуемого (предикативом). Следовательно, именительный падеж имен в мужском и женском роде, форма которого, как в единственном, так и во множественном числе, отлична от формы имен в винительном падеже, не управляется никаким предлогом.

В финно-угорских языках «нулевой падеж» может осуществлять большое количество функций. В венгерском языке он, разумеется, является обязательно падежом подлежащего и именной части составного сказуемого, когда в качестве глагола используется глагол «быть», в том числе в «номинальной фразе», при нулевой степени глагола-связки (то есть лишь подразумевается): *francia vagyok* «я француз», *francia* «он француз / она француженка». Тем не менее голая лексема может быть также определением другого существительного. Результат их соположения может ощущаться как сложное слово, но орфография отражает то, насколько субъективным является данный анализ. В соответствии с количеством компонентов соединения принято писать сегодня *aranygyűrű* «золотое кольцо», но *arany középút* «золотая середина»; Ш. Петефи писал: *Arany pálnka a markában* ... «золотой скипетр {жезл} в руке...». Промежуточным решением является использование тире, когда первый термин — имя человека: *egy Petöfi-vers* «стихотворение Шандора Петефи». В таком языке, как удмуртский, ситуация очень схожа с ситуацией в венгерском: просматривая словарь, можно подумать, что нет ни одного сложного слова. На самом деле их существует большое количество, но первый член не связан на письме со вторым; граница между устойчивым соединением и случайной лексической единицей может быть определена лишь очень субъективно.

Dans la plupart des langues finno-ougriennes, le nom à désinence zéro est d'un emploi normal dans divers types de compléments circonstanciels. Ainsi en hongrois : « *minden este* » « chaque soir », « *egész nap* » « toute la journée », « *már egy hete csak a mamára gondolok mindig ...* » « depuis une semaine déjà, je ne pense qu'à maman... » (József Attila), « *úgy estefelé egy vasárnap csöndesen elmosolyodott* » « ainsi, vers le soir, un dimanche, doucement elle a souri » (József Attila). Des emplois comparables se rencontrent en finnois : « *joka päivä* » « chaque jour », « *kello kuusi* » « à six heures ». Dans cette langue, comme aussi en estonien, le nominatif peut également être complément de nom, soit comme premier constituant d'un mot composé soit comme déterminant d'un nom propre : « *professori Järviselle* » « au professeur Järvinen », « *ravintola Pohjolassa* » « au restaurant Pohjola ».

Le statut du « cas », dans les langues finno-ougriennes, est donc bien différent de ce qu'il est dans le domaine indo-européen. La terminologie traditionnelle, inspirée de celle des langues classiques, n'est pas sans inconvénients et suggère bien souvent des rapprochements discutables. L'ablatif du hongrois ou celui du finnois se distinguent fortement d'un ablatif latin par exemple. Les mots « nominatif », « génitif », « accusatif » ne sont pas moins trompeurs. En outre, certains noms de cas sont en hongrois trop flous pour être utilement employés. Dans la grammaire publiée en 1961 par l'Académie des Sciences de Hongrie, on trouve deux « modalis-essivus » (le *-n* de « *pirosan* » et le suffixe « *-lag / -leg* » de « *alkalmilag* »), un « essivus modalis » (« *-ul / -ül* ») et un « essivus formalis » (« *-ként* »). En grammaire latine, il est commode d'avoir un terme pour désigner des formes équivalentes relevant de paradigmes différents. En hongrois, il serait beaucoup plus simple - et pédagogiquement moins effrayant - de dire tout bonnement le suffixe « *-lag / -leg* », le suffixe « *-ban / -ben* », le suffixe « *-ként* ».

В большинстве финно-угорских языков существительное с нулевым окончанием употребляется в разных типах обстоятельственных дополнений. Так, в венгерском языке: «*minden este*» «каждый вечер», «*egész nap*» «весь день», «*már egy hete csak a mamára gondolok mindig ...*» «уже более чем неделю я думаю лишь о маме ...» (József Atilla), «*úgy estefelé egy vasárnap csöndesen elmosolydott*» «таким образом, к вечеру, однажды в воскресенье она безмолвно улыбнулась» (József Atilla). Сходное употребление встречается в финском языке: «*joka päivä*» «каждый день», «*kello kuusi*» «в шесть часов». В этом языке, так же, как и в эстонском, именительный падеж может быть дополнением существительного, как первый компонент сложного слова, либо как определение имени собственного: «*professori Järviselle*» «преподавателю Ярвинену», «*ravintola Pohjolassa*» «в ресторане Похьёла».

Статус «падежа» в финно-угорских языках, таким образом, существенно отличается от данной категории в индоевропейских. Традиционная терминология, подражающая терминологии классических языков, не лишена недостатков и довольно часто порождает возникновение спорных сопоставлений. Аблатив (отдалительный падеж) в венгерском языке или тот же падеж в финском, например, существенно отличаются от последнего в латинском языке. Слова «именительный», «родительный», «винительный» – не менее обманчивы. Кроме того, некоторые падежные наименования в венгерском языке неудобны для применения, поскольку они неясны. В грамматике, опубликованной Академией венгерских наук в 1961 г., находим два «*modalis-essivus*» (-*n* в слове *pirosan* (наречие) «красно» и суффикс «-*lag* / -*leg*» в *alkalmilag* «случайно»), «*essivus modalis*» («-*ul* / -*ül*») и «*essivus formalis*» («-*ként*»). В латинской грамматике существующие термины более приемлемы для обозначения эквивалентных форм, выделяющихся из разных парадигм. В венгерском языке было бы гораздо проще и педагогически менее устрашающе просто-напросто говорить: суффиксы «-*lag* / -*leg*», «-*ban* / -*ben*», «-*ként*».

Перевела Р. Фаткулина, 2013